

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников

Слово «социализм» в названии взято в кавычки не случайно, хотя само понятие и укоренилось в нашем сознании в связи с общественным строем, господствовавшим в СССР несколько десятилетий. Многие и поныне считают, что в нашей стране действительно было построено «социалистическое общество» и даже «социалистическая цивилизация»[1], причем с такими утверждениями приходится сталкиваться и на страницах академических изданий и в выступлениях ведущих политиков. Этим ученых, публицистов, политиков видимо не заботит, что они продолжают творить миф и внедрять его в сознание людей, причем миф, имеющий мало общего с историческими реалиями и теорией. Тут возникает целый ряд вопросов: действительно ли существовал в нашей стране социализм? А если не социализм, то что же? И что собой представляла в таком случае Октябрьская революция? И почему она произошла именно в России, а не, скажем, в Англии или США? И какие перспективы у «социализма» в настоящее время?

Если под «социализмом» понимать общество, основанное на общественной собственности на средства производства, без эксплуатации человека человеком, власти привилегированного меньшинства и т. п., то такого общества в России никогда не было, ни до, ни после Октября. И в принципе быть не могло: средства производства находились в руках не народа (непосредственного производителя), а в руках государства (до революции – частично в собственности помещиков и капиталистов). Отчуждение же работника от средств производства, в какой бы форме оно не происходило, в любом обществе будет иметь одно последствие – эксплуатацию, существование которой в нашей стране в период «социализма» невозможно отрицать. Причем ее степень была гораздо выше, чем на Западе: ведь наше «родное социалистическое государство» само монополично определяло, кому и сколько платить: рынок работодателей, повышающий стоимость рабочей силы, фактически отсутствовал. Следовательно, уже по этим важнейшим критериям социализма в СССР не было. То же самое можно сказать и о власти привилегированного меньшинства, более известного у нас под названием «номенклатура». Перечень несоответствий «теоретического» и реального «социализма» можно легко продолжить. Таким образом, термин не отражает существовавших реалий и его следует заменить другим. о каким? Может быть, в России после Октября родилось принципиально новое общество, не имеющее аналогов в мировой истории и для этого надо придумать новое научное понятие? Отнюдь. Многие исследователи подчеркивали поразительное сходство между строем, сложившимся в СССР и обществом, сформировавшимся, например, в Древнем Египте, средневековом Китае, инском Перу и даже в фашистской Германии (анalogии можно легко продолжить)[2]. Суть проблемы заключается, очевидно, в том, что почти во всех перечисленных и еще многих неназванных обществах государство (обычно в лице фараона, императора или диктатора) выступает как верховный собственник средств производства. В доиндустриальных обществах это была прежде всего земля, земельные ресурсы. о есть еще один важный аспект, на который не всегда обращают внимание исследователи: во всех обществах данного типа существует также верховная частная собственность государства на личность непосредственного производителя. Адольф Гитлер, например, вообще не стремился заниматься экспроприацией или национализацией заводов и фабрик, справедливо полагая, что в общем-то для осуществления целей его неограниченной власти достаточно превратить людей в собственность государства. Исключение составили, разумеется, евреи и ярые противники режима, чье имущество подлежало конфискации. Хозяева германских монополий превратились при Гитлере в «бетрибсфюреров», т. е. фактически управляющих на службе «тысячелетнего рейха». Рабочие и служащие обязаны были выполнять приказы «командиров предприятий»: вместе с ними они входили в организованный нацистами и контролируемый государством Германский трудовой фронт (ГФТ), заменивший профсоюзы. Все производственные мощности были объявлены собственностью ГФТ[3]; государство, стоящее за его спиной, ведало распределением заказов, рабочей силы и продукции.

Общественный строй, основанный на государственной собственности на средства производства и личность работника, был известен в нашей обществоведческой литературе под названием «азиатского способа производства»[4], который, однако, неточен, поскольку общества такого типа встречались и встречаются не только в Азии. Куда более удачными представляются такие термины, как «политаризм» или «этакратизм»[5] (досл. «власть государства» соответственно с греческого и французского). Крупный отечественный этнограф Ю.И.Семенов не только раскрыл суть политаризма, но и вполне убедительно, на наш взгляд,

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org доказал, что именно он предшествовал рабовладению и феодализму как первая в истории человечества классово-антагонистическая формация. Причем политаризм не исчез после их возникновения, а мимикрируя и приспосабливаясь, дожил до наших дней. Внешне политаризм (этакратизм) более напоминает феодализм: и в том и в другом случае существует верховная частная собственность как на землю, так и на обрабатывающих ее непосредственных производителей. И там и там работники являются хотя и подчиненными, но все же в известной степени собственниками земли и своей личности. Однако есть и отличия. В феодальных обществах каждый отдельный феодал был самостоятельным и полным частным собственником, именно ему и шел прибавочный продукт (это послужило «экономической основой» известной поговорки «вассал моего вассала – не мой вассал»). В то время как при политаризме существует только один верховный, частный собственник, коллективно эксплуатирующий весь класс производителей – государственный аппарат (чиновничество, бюрократия). Этот способ производства и эксплуатации основан на общеклассовой собственности, приобретающей форму государственной. Каждый чиновник получал свою долю прибавочного продукта в соответствии со своим положением на ступенях государственной иерархии. Глава такой иерархической системы всегда был главой государства и выполнял функцию верховного распорядителя общеклассовой собственности и, следовательно, прибавочного продукта [6]. Концентрация экономической и политической власти в одних руках была столь велика, что в духовно-идеологической и психологической сферах глава политарного общества приобретал черты божества. Достаточно вспомнить «брата богов» – египетского фараона, «сына Солнца» – верховного инку или куда более близкого нам «отца всех народов» И.В.Сталина. Любопытно отметить, что политарная система постоянно формирует культ личности, причем даже той личности, которая боролась с культом личности (Н.С.Хрущев). Это ее сущностное свойство и функция. Об этом хорошо написал французский путешественник прошлого века маркиз де Кюстин: «У русских верховная власть почитается подобно религии, авторитет которой всегда остается великим, независимо от личных достоинств священнослужителей» [7].

Из всего сказанного явственно вытекает вполне определенный вывод: в СССР десятилетиями существовал не социализм, а политаризм, на что совершенно справедливо указывает Ю.И.Семенов [8]. То, что подобный строй сложился в нашей стране после Октября, разумеется, неслучайно. Для этого имелись свои исторические предпосылки. Дело в том, что до середины XIX в. Россия являлась не столько феодальным обществом, как затверждено нами со школы, сколько политарным. «Россия не знала феодализма в подлинном смысле слова,» – констатирует известный американский историк Ричард Пайпс, сравнивая порядки, царившие в России и Западной Европе [9]. Впрочем, об этом догадывались давно и многие авторы писали о России как об «абсолютистском государстве с чертами восточной деспотии». С попытками объяснить «особый» путь России связана, например, и вновь входящая ныне в моду теория «евразийства». о дело все же не в каком-то особом пути, а в политаризме. Государство в лице великого князя, царя, императора выступало верховным собственником земли, контролируя, раздавая или изымая земельные угодья и даже родовые вотчины (что особенно ярко проявилось в период Опричнины) [10]. Именно этим обстоятельством, например, объясняется та легкость, с какой Александр II продал Аляску США в 1867 г., полностью проигнорировав интересы населения колоний, Российско-Американской компании и общественное мнение внутри страны.

В России ярко проявлялась такая характерная особенность политарного общества как разделение его на две неравные части эксплуататоров и эксплуатируемых, соответственно «подлого», т. е. податного населения, и той части общества, которая была избавлена от подушного налога (офицерство, чиновничество, духовенство и некоторые другие категории). Подушный оклад, а им был охвачен подавляющая часть народа (до 95 % мужского населения), выступал показателем верховной частной собственности государства на личность непосредственного производителя. Это проявлялось и в том, что подушная подать падала в одинаковом размере на каждую «ревизскую душу» не взирая на имущественное положение, начиная от грудных младенцев и кончая стариками и калекками. Равенство платежей требовало уравнительного обеспечения крестьян землей (при регулярном переделе), что в свою очередь влекло консервацию и длительное сохранение (вплоть до начала XX в.) крестьянской общины, в рамках которой распределялась земля и выплачивались налоги. В поддержке общины было весьма заинтересовано государство ради стабильного и регулярного поступления податей. Вообще общинное землевладение основа основ любого политарного общества. Вовсе неслучайно, например, что Сталин, придя к власти, вновь возродил общины в виде

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
колхозов, а Гитлер во время войны с СССР кое-где даже воссоздавал их на оккупированной территории, где они распались сами собой в результате военных действий. Очень уж удобной формой для эксплуатации работника государством является община с ее коллективной ответственностью и круговой порукой при любом политарном режиме как в XX в. до н. э., так и в XX в. н. э. Реликтами существования земельной общины служат такие постепенно исчезающие сейчас психологические черты русского народа, как дух коллективизма, уравнительности и взаимопомощи. Общинное землевладение с регулярным перераспределением участков не могло воспитать в мужике чувство хозяина и привило русскому национальному характеру некоторую безответственность...

Важно отметить, что подушным налогом облагались не только государственные, но и помещичьи крестьяне (как здесь не вспомнить знаменитую аферу гоголевского Чичикова). Ответственным за сбор подати с крестьян был их собственный помещик, который, таким образом, выступал в роли представителя государства. Уже это одно свидетельствует о том, что русские дворяне не были феодалами в полном смысле слова, т. е. самостоятельными владельцами. Об этом, кстати, говорят и дворянские фамилии, среди которых почти нет таких, которые происходили бы от названия вотчины или поместья – в отличие от фамилий знати в Западной Европе [11]. Кроме того, русские помещики обязаны были нести военную или гражданскую службу в пользу все того же государства, за что, собственно, и наделялись землями и крепостными «душами» (именно их количеством и определялось богатство). Это подтверждал указ 1701 г., где четко говорилось, что «все служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет». Этот царский указ лишь еще раз формально закреплял положение, сложившееся еще в XV в., что отмечал В.О.Ключевской [12]. Хотя в жалованной грамоте дворянству (1785 г.) это положение было отменено Екатериной II, но уже при Александре I прекратились и раздачи земель и крестьян в частное пользование.

В России никогда не было рыцарства, как в Западной Европе: все, даже родовые бояре униженно именовали себя «холопами великого государя», т. е. царя. Например, князь Ф.Ю.Ромодановский, один из воспитателей Петра I, остававшийся во время путешествий и походов царя наместником «на Москве» с неограниченными полномочиями и властью, обращался к Петру в письмах не иначе как в уничижительной форме: «Холопишко твой худородный, Федька Ромодановский, тебе, Великий Государь, челом бьет». Наконец, отсутствие подлинно феодального класса на Руси проявлялось и в архитектуре: в России вы не встретите рыцарских замков, столь характерных для ландшафтов Германии или Франции.

Политаризм проявлялся и в такой характерных для русского общества чертах (особенно после петровских реформ), как огромная власть чиновничьего аппарата, бюрократизм, особенно разросшийся в XIX в. в связи расширением территории империи и усложнением социально-экономических отношений. Так, всего за 50 лет – с 1796 по 1847 г. численность чиновничества возросла в 4 раза, а за 60 лет (1796–1857) почти в 6 раз. При этом население России за этот же период увеличилось примерно в 2 раза (в 1796 г. в Российской империи насчитывалось около 36 млн. человек, а в 1851 г. – 60 млн.). Таким образом, государственный аппарат в первой половине XIX в. рос в три раза быстрее, чем само население [13]. Неудивительно, что наблюдательный французский путешественник Астольф де Кюстин писал о российской бюрократии: «Россией управляет класс чиновников... Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну» [14].

Бюрократизм открыто проявлялся в стремлении государства к полной регламентации жизни всех социальных групп и отдельного человека. Чиновник решал, что можно, а что нельзя. Например, министр финансов граф Д.А.Гурьев в 1820 г. выступил против импорта в Россию дешевых сортов чая, поскольку «следствием такового будет распространение употребления и в тех классах народа, кои менее достаточны и гораздо многочисленнее. Но с сим вместе увеличилось бы потребность сахару: оба предмета из чужих краев нами получаемых – распространение роскоши (!) сего рода, как бесполезное министр финансов признает вовсе ненужным» [15]. Еще бы! Сам Гурьев, конечно, имел в избытке и чай и сахар, не говоря уже о других предметах действительно роскоши.

От чиновничьих злоупотреблений особенно страдало купечество и в целом «вольное» население городов. Кавычки поставлены не случайно: городские жители, за исключением, конечно, чиновников всех сословий и рангов, а

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
позднее и высшего купечества, были обложены подушной податью, должны были нести государственные повинности и были приписаны к тому или иному «обществу», покидать которое без разрешения чиновника было запрещено. Даже для перемещения из города в город внутри империи купцы или мещане обязаны были приобретать паспорта на 1–3 года. Так что институт прописки и внутренних паспортов не был изобретением Сталина и его приспешников. Все это, разумеется, сдерживало рост промышленности и торговли. Выход царское правительство видело в развитии казенных заводов и фабрик и «приписки» к ним государственных крестьян целыми деревнями. Об «эффективности» такого производства свидетельствовал американский путешественник Джоэл Пойнсет в 1807 г.: «я не сказал тогда в слух, но был уверен, что поощряемые одним лишь императорским покровительством мануфактуры никогда не добьются успеха. Отсутствуют всякая энергия и бережливость, присущие личной заинтересованности, а работают крепостные, получающие мизерное вознаграждение, недостаточное для поддержания хотя бы мало-мальски сносного существования их семей»[16].

Не менее плачевно было и состояние внешней торговли, сосредоточившейся почти исключительно в руках английских, а затем и американских купцов. Неслучайно, что Московское купеческое общество, сообщая видному государственному деятелю графу М.М.Сперанскому о причинах упадка торговли в России, прямо указывало, что российское купечество имеет «слабые для заграничного торга капиталы», а сама Россия является аграрно-сырьевым придатком других стран[17]. Действительно, русским купцам было трудно выдержать конкуренцию со стороны иностранных предпринимателей, не связанных мелочной регламентацией и поборами, свободных в маневре своими капиталами и личностью. «Из среды свободных граждан и крепостных, – писал Астольф де Кюстин в 1839 г., – должно образоваться сословие независимых купцов и ремесленников, которое сейчас едва лишь намечается и пополняется главным образом за счет иностранцев. До сих пор почти все фабриканты и купцы – немцы»[18].

Отмечая в 1996 г. 300-летие российского флота, мы должны особо подчеркнуть, что это был праздник военного флота. Торговый же флот в России до середины XIX в. был почти неразвит. Все тот же Дж. Пойнсет отмечал: «Я пытался установить причину, почему Россия сама не может иметь торговый флот, и вскоре убедился, что это кроется в самой природе ее институтов. Если судно снаряжается в заграничное плавание, то хозяин судна при наборе команды должен гарантировать, что матросы, являющиеся частной собственностью, вернутся к своим хозяевам»[19].

Слабость внутренней и внешней торговли, хозяйственная замкнутость, явная тенденция к автаркии, т. е. к созданию самообеспечивающейся экономики – характернейшая черта политарных обществ. Отсюда, кстати, вытекала и неразрешимая до сих пор в России проблема хороших дорог, транспорта и связи.

Однако развитие производительных сил страны, влияние мирового рынка и пример западных держав привели к тому, что Россия во второй половине XIX в. более активно начала своё движение к капитализму. Государство не стояло в стороне от этого процесса. Существенным толчком, побудившим царские власти заняться пробуржуазным реформированием экономики и общественных отношений, явилась Крымская война и ее итоги. А они были неутешительны: техническая, военная, да и общая отсталость Российской империи привели к закономерному проигрышу войны. Так, парусный Черноморский флот был не в состоянии сражаться на равных с паровым английским, русская армия была вооружена старыми кремневыми ружьями и придерживалась устаревшей тактики штыкового боя. Кроме того, рекрутская система комплектации войск не позволяла создать необходимые резервы, а переход ко всеобщей воинской повинности сдерживало существующее в стране крепостное право. Последнее служило ярчайшим признаком общей отсталости страны, главной проблемой ее дальнейшего развития. Последовавшая в 1861 г. вслед за царским Манифестом от 19 февраля отмена крепостного права лишь на какое-то время приостановила назревающий в обществе конфликт, но не предотвратила его: крестьяне получили личную свободу, но не стали подлинными собственниками земли. Как и раньше, значительная ее часть осталась в собственности одной из главных социальных опор государства – у помещиков. У них-то крестьяне и вынуждены были выкупать землю по непомерно высоким ценам. А поскольку нужных средств для выкупа у них не было, эти средства за крестьян вносило государство оформляя им соответствующий долг. о и у государства не было достаточно денег для немедленной и полной компенсации помещикам и оно восполняло этот «пробел»

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org эмиссией (выпуском). Причем и до этого положение в финансовой сфере представляло собой безотрадную картину. Видный государственный деятель А.В.Головнин прямо указывал на огромное перерасходование средств из бюджета страны: с 1832 по 1867 г. была, таким образом, «переиздержана» гигантская сумма 1600 млн. руб. серебром, причем треть ее пришлось как раз на период 1860–1867 гг. «В течение 35 лет расходы превышали доходы на огромные суммы, – писал А.В.Головнин, – и суммы эти, за исключением расходов на железные дороги и по воспособлению выкупа крестьянского надела, тратились непроизводительно. Государственные доходы падали главной массой своей на самую бедную часть населения, и как суммой своей, так и особенно средством взимания чрез развращающий способ дохода с вина – положительно разоряли народ. Денежная система была в совершенном расстройстве, в государстве обращалось более 710 млн. рублей бумажных денег неразмняемых, с форсированным насильственным значением. Эти деньги теряли 20 % своей цены. Процентные бумаги, выпущенные правительством, значительно упали в цене: выкупные свидетельства на 30 %, банковские 5 % билеты на 25 %. От всего этого частные люди теряли неимоверно. Имущество и деньги таяли в их карманах и дороговизна на все жизненные предметы возрастала. Всякие коммерческие обороты, предприятия не могли иметь твердого основания. Само правительство теряло, ибо доходы его, получаемые бумажными деньгами, уменьшались в своем значении, а расходы в следствие возвышавшейся дороговизны увеличивались»[20]. Более того, ряд эмиссий бумажных денег был произведен негласно, «в противность закону, который ограничивал число их»[21].

Эти обстоятельства оказали заметное воздействие на формирование пореформенной российской экономики – ведь базовые отрасли при значительной инфляции могут развиваться только за счет государственной поддержки. Следствием стала несамостоятельность и пассивность значительной части российской буржуазии, ее ориентация не столько на поиск новых решений и направлений развития, сколько на «выколачивание» денег из государственной казны и получение различных льгот со стороны гос. аппарата. Последнее хорошо вписывалось в российские традиции государственной бюрократии, с ее тотальной регламентацией отношений собственности, форм ее реализации, порядка функционирования предприятий (как государственных, так и частных), раздач монопольных прав и привилегий[22]. Результатом стало фактическое сращивание отечественного капитала с государством, особенно усилившееся в годы 1-й Мировой войны, когда гос. заказы и государственное регулирование экономики достигли своего апогея. К этому следует добавить необычайно высокую концентрацию и централизацию российского капитала[23]. Причем истоки образования монополий также коренятся в особенностях форсированной индустриализации России в пореформенный период. Государство исходя из своих интересов поощряло в первую очередь крупные фирмы и предприятия, способные в короткие сроки дать наибольшие объемы производства[24]. В российских условиях у представителей крупного капитала было и то преимущество, что они могли дать чиновнику взятку «по высшей ставке» и стать после этого подлинными «фаворитами казны». Все вместе это привело к складыванию в стране накануне Октября 1917 г. государственно-монополистического капитализма. Таким образом, были созданы объективные экономические предпосылки для полного огосударствления промышленного сектора.

С другой стороны, сама индустриализация страны конца XIX в. (как и в последствии сталинская) производилась в значительной мере за счет ограбления крестьян. Налоги на них росли, а хлеб шел на Запад по бросовым ценам. Широко известно циничное изречение тогдашнего министра финансов И.А.Вышеградского: «Хоть не доедим, а вывезем»[25]. Буржуазные отношения в сфере аграрного производства отношения не получили широкого развития, деревня оставалась еще в значительной мере патриархальным организмом. Убийство П.А. Столыпина прервало его попытку решить аграрный вопрос в России мирным эволюционным путем. Основная масса крестьян, при бурном демографическом росте, не имела достаточного количества земли, которая концентрировалась в основном в руках государства, крупных землевладельцев и нарождающейся сельской буржуазии.

В целом же более чем двухвековое господство крепостничества, незавершенность формирования гражданского общества и отсутствие значительной части демократических свобод и политической культуры, подавляющая неграмотность и преобладание в массовом общественном сознании революционных и уравнилельно-коллективистских начал, гипертрофированная роль самодержавно-бюрократического «кесарепапистского» государства – все эти традиционные для страны факторы по существу предопределили выбор

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
Россией одного из наиболее жестких вариантов дальнейшего
социально-политического развития.

Сложившиеся в России острейшие противоречия не были разрешены ни революцией 1905 г., ни февральской буржуазной революцией 1917 г., хотя обе они, каждая по своему, способствовали утверждению и развитию капиталистических отношений и буржуазной демократии. Окончательному становлению буржуазного общества в России помешал Октябрь 1917. Саму революцию оценивают сейчас по-разному. В прессе и публикациях последних лет, особенно демократической направленности, нередко встречается мнение, что в октябре 1917-го произошла вовсе не революция, а военный переворот, совершенный кучкой политических авантюристов и негодяев на деньги германского генштаба. С другой стороны, немало профессиональных историков и обществоведов продолжает считать ее подлинно социалистической революцией, важнейшим историческим событием, создавшим возможности для становления новой общественной системы – социализма, противостоящей и поныне государственно-монополистическому капитализму стран Запада.

Так что же все-таки представлял собой Октябрь 1917? Прежде, чем попытаться дать ему характеристику, надо вспомнить о февральской революции того же года. В отечественной историографии стало традицией обозначать ее как буржуазную революцию, хотя и незавершенную. Дело в том, что в условиях Первой Мировой войны, политики проволочек, компромиссов, говорильни бездарного Временного правительства так и не была решена одна из основных задач буржуазной революции – аграрная реформа, наделение крестьян землей. Кроме того власти продолжали вести непопулярную войну. Положением воспользовались большевики и под всем хорошо известными лозунгами совершили по существу политарную контрреволюцию, вновь отбросив Россию к политаризму. Конечно, полная его реставрация произошла значительно позднее – после завершения коллективизации в начале 1930-х гг. о то, что в результате Октября мог возникнуть именно политаризм недвусмысленно свидетельствует написанная накануне Лениным программная работа с весьма символическим названием «Государство и революция». Поэтому совершенный по намеченному в этой работе плану Октябрьский государственный переворот, вместо того, чтобы довести до логического конца февральскую буржуазную революцию, и «остановиться», «пошел» дальше, но не вперед, а назад, и вновь отбросил страну в бездну политаризма.

Но это стало ясно далеко не сразу. Сам вождь Октября, спустя несколько лет после «революции» вполне справедливо считал, что она фактически полностью ликвидировала все накопившиеся в стране «феодалные пережитки», так и не устранившие февралем 17-го года и писал: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто» [26]. И у него были для этого все основания. Действительно, Октябрь 17-го года окончательно юридически уничтожил национальное, расовое, религиозное, половое неравенство; было провозглашено и практически реализовано право народов на самоопределение (Финляндия, Польша), но главное – главное крестьяне получили землю и, казалось бы, аграрный вопрос – «проклятие» всех русских революций наконец-то решен. о крестьяне как были, так остались лишь фактическими пользователями земли – юридически она стала принадлежать всему народу, т. е. все тому же ГОСУДАРСТВУ. И именно пролетарскому государству Ленин отводил главную роль в строительстве государственного капитализма, а затем социализма, перераставшего в коммунизм [27].

Конечно, подавляющая часть большевиков-теоретиков «ленинской гвардии», не говоря уже о рядовых членах партии и поддержавших их народных массах, совершенно искренне верили в построение светлого будущего – социализма в России, да и во всем мире. о это было не что иное, как утопический самообман. Хотя еще задолго до Октября 17-го года, Г.В.Плеханов в работе «Наши разногласия» гениально предвидел и предупреждал, чем может закончиться планируемый большевиками переворот: «...Революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, то есть к обыкновенному царскому деспотизму на коммунистической прокладке» [28]. Так оно и вышло. Придя к власти в результате Октября и став вскоре монополюльно правящей, партия большевиков во главе со своим вождем приступила к сращиванию партийных и государственных структур, заложив основы нового тоталитарного феномена XX века – партии-государства, строящего «социализм» [29].

Нелишне вспомнить, что совершенно сознательные (хотя и безуспешные) попытки ввести в России «государственный» или, лучше сказать, «казарменный

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
социализм» предпринимались еще в первой половине XIX в. ни кем иным как царским любимцем графом Аракчеевым. В организованных им военных поселениях солдаты-крестьяне должны были без устали работать во благо империи, а во время войны беззаветно ее защищать.

Собственно, подлинный социализм в тогдашней России и не мог быть построен хотя бы потому, что его материально-технической базой является даже не присущее капитализму машинное производство, а производство, основанное на гораздо более высокой технике и технологии, рождение которых мы наблюдаем сейчас в наиболее развитых промышленных странах Запада и Востока. Россия же начала XX в. была страной по преимуществу аграрной. И большевики, национализировав и «обобществив» все средства производства, поставив их под тотальный контроль государства (гос. аппарата), фактически возродили политаризм, но в гораздо более чистом виде, поскольку все экономические уклады кроме государственного были ликвидированы зачастую вместе с их представителями. В результате возникло политарное общество, основные признаки которого хорошо известны каждому взрослому жителю бывшего СССР. Аналогичные по своей сути общества Советский Союз насадил и в Восточной Европе после Второй мировой войны, либо способствовал их утверждению в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (где и до этого существовал свой доморощенный политаризм, расшатанный капиталистической колонизацией), в Африке и на Кубе. Таким образом, через призму политаризма просматриваются и становятся понятными многие коллизии отечественной и мировой истории.

С другой стороны, если обратиться к той же проблеме октября 1917 г. не с экономической, а с социальной точки зрения, то становится очевидным, что бытовавшее в марксистской литературе утверждение о пролетарской революции как революции априорно социалистической представляется неприемлемым. Ныне вполне доказано, что пролетариат – класс наемных работников, лишенных собственности – не может быть ни вождем пролетарской революции, ведущей к социализму, ни строить сам социализм, поскольку это (по крайней мере теоретически) предполагает передачу ему средств производства, а тем самым изменение его сущности как класса[30].

Глубоким заблуждением является мнение, будто политаризм («социализм» советского толка) ныне противостоит государственно-монополистическому капитализму как более прогрессивная формация. Людям, придерживающимся такой точки зрения, должно быть известно, что в подавляющем большинстве развитых стран монополии запрещены законодательно. К чему приводят монополии в условиях экономического кризиса и узкого внутреннего рынка наглядно продемонстрировал пример Германии 1933 г. Тогда к власти там тоже пришли «социалисты», правда, с уточнением «национал». Результаты их «социализма» хорошо известны. К аналогичным в целом результатам привело и господство гигантских монополий «дзайбацу» в предвоенной Японии.

Специально отметим, что экономически политарные общества, хотя и очень живучи, но неэффективны. Отчуждение работника от средств производства, внеэкономическое принуждение, предписания, кому, что и как производить, изъятие значительной части произведенного продукта, жесткий контроль государства над потреблением все это сковывает любую инициативу и заинтересованность в труде, порождает косность, инертность и застой. Поэтому особенностью политарных обществ является консерватизм, воспроизводство одних и тех же образцов и форм (будь то продукция материального производства или сложившиеся общественные отношения). Упор делается на количественные, а не на качественные параметры и показатели. Эволюция экономики, если она и имеет место, идет по экстенсивному пути, т. е. «вширь». Рывки в ее развитии происходят обычно с целью «догнать и обогнать» кого-либо, прежде всего по военно-стратегическому потенциалу: ведь милитаризм имманентно присущ политарным государствам, поскольку в таких обществах господствует внеэкономическое принуждение к труду. Именно строительство военно-морского флота и формирование регулярной армии при Петре I привели к созданию мощной металлургической базы на Урале, возникновению верфей на Белом море и в Петербурге. Позднее эта традиция была подхвачена Сталиным в годы индустриализации и первых пятилеток. Народ платил за «прогресс» дорожной ценой – десятки тысяч жизней было загублено при Петре I, миллионы – ради «светлого будущего» при Сталине. И неслучайно блестящий историк и богослов Г.П.Федотов писал о России-Руси: «Только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство»[31].

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
Непродолжительные бурные периоды развития при политарных режимах становятся возможными за счет трех главных источников, каковыми являются: 1) внешняя агрессия, экспансия, ограбление других народов и государств и, желательное, их присоединение, т. е. втягивание в свою политарную «империю»; 2) «внутренняя» агрессия – ограбление и сверхэксплуатация, а то и физическое уничтожение части собственного населения (чьё имущество пополняет государственную казну, а страх перед репрессиями у оставшихся в живых сковывает борьбу с режимом); 3) сверхэксплуатация, хищническое, необузданное ограбление природных богатств, прежде всего – минеральных ресурсов. Соотношение названных источников развития в разные периоды существования тех или иных политарных обществ было как правило неодинаковым: один из них в конкретной ситуации мог доминировать. Так, в Древней Ассирии, государстве инков, гитлеровской Германии на первый план в качестве источника развития выдвинулась внешняя агрессия, в то время как сталинской России была более присуща «внутренняя агрессия», направленная против собственного народа, хотя внешняя экспансия и ограбление природных богатств тоже имели место. При этом изъятие у населения и природы огромные ресурсы далеко не всегда тратились продуктивно, вкладывались в развитие экономики (не говоря уже о социальной сфере), а нередко воплощались в грандиозные бессмысленные проекты, начиная от строительства египетских пирамид и кончая небезызвестными «стройкиками коммунизма».

Политарный способ производства неэффективен как экономическая система (исключения составляют периоды войн или выполнение задач вроде строительства Великой китайской стены или покорения космоса, требующих колоссального напряжения сил всего общества). Весьма убедительную статистику на этот счет приводит директор Института экономического анализа Андрей Илларионов в статье под красноречивым названием «Социализм гарантирует обнищание». «Экономическая катастрофа, принесенная социализмом, – пишет он, отбросила Кубу, входившую в 50-х годах в четверку наиболее богатых латиноамериканских государств, в число самых бедных стран Западного полушария. Двадцатое столетие Куба завершает с реальным доходом на душу населения, вдвое меньшим, чем в 1950 г.» Вывод видного экономиста однозначен: «Социалистический эксперимент приводит не к преодолению, а к усилению социально-экономической отсталости» [32]. С этим нельзя не согласиться, только «социализма» правильнее, на наш взгляд, использовать термин «политаризм». Неслучайно страны с такой системой «вечно догоняют» государства, в основу которых положены более прогрессивные экономические системы. Среди таких догоняющих стран и наша Россия. Ее история – это история застоев и рывков.

Когда источники поступательного развития политарного общества оказывались исчерпанными, его начинает охватывать тяжелый кризис. Перестройка, начатая Горбачевым в СССР, была попыткой выйти из такого кризиса: экстенсивные возможности поддержания политарного общества оказались исчерпанными – агрессия в Афганистане не оправдала себя, введение сверхэксплуатации грозило саморазрушением экономики, не мог выручить и экспорт нефти на Запад (экономическая основа брежневского «развитого социализма») – цены на нее после структурной перестройки производства в развитых странах резко упали в 1985 г. Медленный дрейф советского общества в сторону рыночной экономики едва не оборвал путч ГКЧП, после подавления которого эволюция в этом направлении заметно ускорилась, хотя подлинной победы капитализма еще не наступило: государство продолжает сохранять незыблемые позиции во многих сферах экономики, не изжиты гигантские монополии, характерные для СССР и изменившие лишь своих владельцев, нерешенным до конца остаётся аграрный вопрос, не отрегулировано законодательство собственности, у политического руководства отсутствует четкая экономическая программа и видение перспектив развития общества, проводится ущербно-реставраторская (а не реформистская по сути) социально-экономическая и культурная политика.

Можно ли посредством политаризма (или «социализма», как его любят у нас называть) достичь коммунистического общества, о чем толкуют представители многочисленных левых партий? Ответ может быть только один – нет. Политаризм обречен исторически: он не в состоянии выдержать длительного экономического соперничества, обеспечить более высокую, чем в современных западных обществах, производительность труда, не говоря уже об уровне жизни населения. Все меньше возможностей у него и в традиционно важной военной сфере из-за растущего технологического отставания, что доказало сокрушительное поражение Ирака в войне в Персидском заливе. Сейчас Россия находится на распутье – встать ли ей на столбовую дорогу человечества (мировой цивилизации) или опять провалиться в бездну политаризма.

В этих целях необходимо, отказавшись от широко распространенных и обычно противопоставляемых в массовом сознании фетишей капитализма и коммунизма, четко и ясно определить новую парадигму, осуществить новое объективное и всестороннее осмысление исторического и культурного опыта России, ее места в современном мире, прошлом и будущем человеческой цивилизации. Принципиально важно разработать оптимальную и вместе с тем реалистичную социально-экономическую, национально-государственную и культурно-идеологическую модель обновленной России, в которой были бы учтены как важнейшие социальные достижения советского варианта «социализма» (социальная защищенность прежде всего), так и впечатляющие успехи приватизма – особого общественного строя, динамично развивающегося в настоящее время в Западной Европе, США, Японии и некоторых других странах на основе социально-рыночной экономики и частной собственности, парламентской демократии, разделения властей, личной свободы и равенства граждан, приоритета общечеловеческих ценностей и цивилизованного демократического общества.

Примечания

1

См., например: КОЗЕНКО Б.Д., САДОВАЯ Г.М. О периодизации новой и новейшей истории. – Новая и новейшая история, 1993, № 4, с. 87–96; РОМАНЕНКО Л.М. Метамарфозы российской модели гражданского общества: диалектика стихийного и сознательного//Социально-политический журнал, 1995, № 3, с.38 и др. работы.

2

СТАРИКОВ Е. Фараоны, Гитлер и колхозы. – Знамя, 1991, № 1, с. 201–220; БЕРЕЗКИН Ю.И. Инки: Исторический опыт империи. Л., 1991, с. 209–218.

3

Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996, с. 149–150.

4

См., например: КАЧАНОВСКИЙ Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; ОСТРОВИТЯНОВ Ю., СТРЕБАЛОВА А. Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств. – Новый мир, 1972, № 12, с. 197–220 и другие работы.

5

РАДАЕВ В.В., ШКАРАТА О.И. Власть и собственность. – Социологические исследования, 1991, № 1, с. 50–61.

6

СЕМЕНОВ Ю.И. О первобытном коммунизме, марксизме и сущности человека. – Этнографическое обозрение, 1992, № 3, с. 31–46; он же. Экономическая этнология. М., 1993, кн.1, ч. 1–3; он же. Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем. М., 1995, с. 2–7, 52 и др. работы.

7

КЮСТИН А. де. Россия в 1839 году. – Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991, с.466.

8

СЕМЕНОВ Ю.И. Россия: что с ней было..., с.6, 52.

9

ПАЙПС Р. Три «почему» русской революции. М., СПб., 1996, с.22.

10

БЕССОНОВА О.Е. Раздаточная экономика как российская традиция. – *Общественные науки и современность*, 1994, N 3, С. 37–48; ФРОЯНОВ И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М., СПб., 1995; КУЛЬПИН Э.С. Истоки государства Российского: от церковного собора 1503 года до Опричнины. – *Общественные науки и современность*, 1997, N 1, с. 82–91; N 2, с. 80–90 и др. работы.

11

КАРНОВИЧ Е.П. Родовые прозвания и титулы в России. М., 1991, с.29, 82–84.

12

КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Курс русской истории. – КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения, М., 1988, т.2, с.190.

13

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, с. 68–70.

14

КЮСТИН А. де. Указ. соч., с.616.

15

Российский государственный исторический архив, ф.1643, оп.1, д.38, л.20.

16

Из писем Дж. Пойнсета из России. – *Россия и США: Становление отношений, 1765–1815*. М., 1980. с.300.

17

Архив внешней политики Российской империи, ф. РАК, оп.888, д.125, л.33об., 47.

18

КЮСТИН А. де. Указ. соч., с.449.

19

Из писем Дж. Пойнсета из России, с.301.

20

ГОЛОВИН А.В. Записки для немногих. – *Вопросы истории*, 1997, N 7, с.117.

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
21

Там же, N 8, с.65.

22

ДЕЛЯГИН М. Повышение благосостояния населения как стратегическое направление развития России. – Вопросы экономики, 1996, N 5, с. 29.

23

Материалы по истории СССР. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959, т. VI, с.17; КИТАИНА Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917. Концерн Путилова–Стахеева–Батолина. Л., 1967; НАУМОВА Г.Р. Российские монополии (источниковедческие проблемы). М., 1984, с. 15, 22,31 и др. работы.

24

СОРОКИН А.К. Государство и предпринимательство в России (исторический опыт предоктябрьской модернизации). – Политические исследования, 1995, N 3, с.153.

25

Там же, с.154.

26

ЛЕНИН В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. – Полн. собрание сочинений (пятое изд.), М., 1970, т.44, с. 144–145.

27

Там же, с. 151.

28

ПЛЕХАНОВ Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1, с.323.

29

ВОЛОБУЕВ П.В. Власть Советов: расчеты и просчеты (1917–1923). – Коммунист, 1991, N 11, с.80; ЛЕОНОВ С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920 гг.). – Вопросы истории, 1990, N 12, с. 29–46.

30

БУРГАНОВ А.Х. Октябрьская революция – социалистическая? Кентавр, 1992, N 6, с. 17–30.

31

ФЕДОТОВ Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992, т.2, с.284.

32

ИЛЛАРИОНОВ А. Социализм гарантирует обнищание. – Известия, 1997, 4 ноября (N 210), с.3.

Россия и «социализм». А. В. Гринёв, М. П. Ирошников filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!